

УДК 930.2

В.А. Аракчеев¹

**Помещик-стяжатель первой половины XVII века:
К вопросу о «неадекватных формах капитала» в России**

Капитал; служилые люди; гости; посадские люди; фискальная политика.

В статье рассмотрены особенности торгово-финансовой деятельности помещика первой половины XVII в. На основании впервые вводимых в научный оборот архивных источников автор развивает концепцию Л.В. Милова о «неадекватных формах капитала» в России.

Вклад Л.В. Милова в концептуальное осмысление русской истории велик и многообразен, и одной из наиболее значимых его концепций является новая теория зарождения капиталистических отношений,

¹ Аракчеев Владимир Анатольевич, Институт истории и археологии УРО РАН (РФ, Екатеринбург), д.и.н., arakk@rambler.ru.

которые применительно к XVII в. осмыслены им как «неадекватные формы капитала» [8, с. 483–553]. В его понимании «неадекватность» капитала состояла в отсутствии границы между работником и хозяином и низком уровне получаемой последним прибавочной стоимости. Однако выявленный Леонидом Васильевичем феномен имел и обратную сторону: накопление денег, не включенных в промысловую деятельность.

Факты тезаврации капитала крайне редко находят отражение в архивных источниках. Как писал Ф. Бродель, «отдать себе отчет в том, как велик был этот второй сектор капитализма, можно только благодаря тем случаям, когда в силу удачного стечения обстоятельств эти скрытые денежные резервы внезапно вырываются на поверхность» [2, с. 344–345]. Следы ростовщического характера займов удалось обнаружить С.В. Бахрушину при исследовании записных книжек новгородских купцов Кошкиных [1, с. 204–205]. Констатировал факты «раздачи взаем средней руки торговцам» приказчиками Строгановых и А.А. Введенский [3, с. 284–285].

Наш доклад основан на изучении дела о торгах псковского помещика Г.В. Бешенцова в 1630-х гг.² В 1633 и 1634 гг. в Пскове, как и по всей России, осуществлялся сбор запросных и пятинных денег, которые собирали, как известно, исходя из двух принципов. Запросные деньги собирали с воевод и приказных людей и церковных корпораций, а пятинные – с гостей и тяглых людей, «промышлявших» промыслами и торговавших. Рядовые служилые люди, как правило, не облагались чрезвычайными налогами в силу их крайнего разорения и скудости. На этом фоне в Пскове и развернул свою стяжательскую деятельность местный помещик Григорий Бешенцов. В августе 1634 г. городской дьяк Томило Истомин составил пространную выпись о торгах и промыслах предприимчивого служилого человека, констатируя, что в 1633–1634 гг. Бешенцов «в запрос... не дал ни единые деньги», потребовав включить его в число плательщиков запросных денег³.

Предпринимательская деятельность Бешенцова приняла три направления. Во-первых, он, по выражению людей того времени, «пускал деньги в торг», т.е. активно торговал на псковском рынке, главным образом, с немецкими купцами. Обороты торговли были впечатляющими: в 1630 г. у «любского» купца А. Ондrejaнова он купил

² РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 26. Д. 41178. 1634 г., сентября 8. Окладная роспись псковичам посадским людям и дело о торговле помещика Бешенцова.

³ Там же. Л. 8.

104 меха соли за 33 руб.; в 1632–1634 гг. у немецких купцов и русского гостя он купил 10 лошадей на общую сумму 380 руб.; кроме того, он скупал у немецких купцов сукна и серебряную посуду.

Его доходы имели два источника: первый состоял в поставках зерна государству и, несомненно, был связан с бурным ростом его земельных владений. В историографии провинциальные помещики XVII в. традиционно рассматриваются как чрезвычайно бедная страта, представители которой едва сводили концы с концами, располагая полностью или частично разоренными в годы Смуты поместьями [6; 7]. Бешенцов на этом фоне выглядит исключением. Еще в начале XVII в. он ничем не выделялся из числа своих сослуживцев по псковскому «городу»: в десятне 1614 г. он входит в число городских детей боярских с земельным окладом в 550 четей, из которых 100 были приданы ему «за тульскую и калужскую службу и за рану». Его денежный оклад составлял 14 руб. с придачей за те же службы⁴.

Но в деле 1634 г. приведены впечатляющие факты расширения земельных владений Бешенцова. Помимо своего старого поместья, он смог получить «в додачу» уже при «царской державе» Михаила Федоровича три поместья в разных уездах Псковской земли: поместье Нащокиных в Завелицкой засаде Псковского уезда, поместье Ногина в Изборском уезде и поместье Елагиных в Гдовском. Беспрецедентным фактом было получение им в 1634 г. бывшего дворцового села Жидилов Бор: «он же Григорей в нынешнем во 142-м году выждав то время, как по твоему государеву указу твоему государеву окольному князю Алексею Михайловичю Львову ис приказы Большого Дворца сказано было на посольство, взял по своему ложному челобитью во Псковском уезде в Бельской засаде твое государево старинное дворцовое сельцо Жидилов Бор себе в поместье сверх тех своих четырех поместей»⁵.

Верхом стяжательства Бешенцова стало временное овладение им вотчиной Петра Лихарева, которую владелец заложил Бешенцову за 300 руб. Заклад вотчины, в том числе выслуженной, был разрешен по указу 1618/19 г., где говорилось, что «вольно ему [вотчиннику. – В.А.], и ево детем, и внучатом, и правнучатом та вотчина продать, и заложить, и в приданные дать, и монастырь по душе до выкупу дать» [4, с. 94]. Однако Бешенцов без колебаний пошел и на нарушение закона, приняв в залог за 50 руб. поместье Г. Харламова. По словам челобитчиков, «Григорей Бешенцов хотел тем ево поместьем завладети, и

⁴ РНБ. Эрмитажное собр. Кн. 394. Л. 145.

⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 26. Д. 41178. Л. 7.

воеводы ему владеть помещьем не дали, и Григорей Бешенцов взял на Григорье Харламове на те деньги росту 10 рублей»⁶. Как видно из обстоятельств дела, воевода настоял на переквалификации закладной грамоты в обычную долговую кабалу, по которой предприимчивый помещик получил-таки свои проценты.

Из материалов дела известно, что в 1630 г. Бешенцов продал в «государевы житницы» в Пскове 500 четей ржи на сумму в 430 руб., и на следующий год еще 156 четей ржи на сумму 148 руб. Исходя из данных Е.И. Каменцевой и Н.В. Устюгова, в 1624–1679 гг. казенная четверть составляла 6 пудов ржи, а псковская торговая четверть в 1620-х–1660-х гг. была почти в три раза больше московской казенной [5, с. 106–125]. Даже если предположить, что при приемке ржи в казну счет велся на московские приимочные четверти, 500 четвертей ржи должны были весить около 48 тонн. Четыре поместья (без учета полученного в 1634 г. бывшего дворцового села) и находящаяся в закладе вотчина вряд ли могли дать Бешенцову 156, и тем более 500 четей ржи для продажи в «государевы житницы». Не будет слишком смелым предположить, что предприимчивый помещик скупал хлеб у своих соседей и их крестьян, получая прибыль и в ходе этих операций.

Но основной источник доходов Бешенцову давало третье направление его предпринимательской деятельности – ростовщичество. Ростовщичество было регламентировано указами 1626 и 1628 гг. [4, с. 126, 148], которые с дополнениями были систематизированы в известных постановлениях Соборного уложения [9, с. 60–61]. Практика ростовщичества слабо представлена в делопроизводственных материалах, но размах ростовщических операций Бешенцова поражал воображение его современников. В 1621 г. Бешенцов дал займы «ругодивскому немчину» Христофорову 150 руб. под залог его товаров, получив после возвращения долга 30 руб. роста.

В 1633–1634 гг. 700 руб. в рост получили от него кабацкие откупщики; 50 руб. в долг взял богатейший человек Пскова и единственный в этом городе гость Микула Хозин. 730 руб. были даны псковским торговым людям, причем К. Остафьев и Г. Подберезкин «ездили теми ево григорьевыми деньгами торговать в Колывань и в Ярославль». Получивший от Бешенцова кредит в 100 руб. московский хамовник Г. Тимофеев «ездил теми ево деньгами торговати в Ригу». В 1634 г. Бешенцов, находившийся в Москве, ссудил суммой в 100 руб. псковичей Г. Попугаева и К. Резца, которые в это время приехали в столицу «от города в челобитчикех». Зная практику решения дел в

⁶ Там же. Л. 34.

московских приказах, не приходится сомневаться в конечной цели этого кредита, который был возвращен Бешенцову по долговой кабале уже в Пскове всегородными старостами из «градских денег».

Общая сумма данных Бешенцовым в рост денег составляет 1890 руб., а проценты по ним исходя из принятых в законодательстве 20 % годовых, должны были составить 378 руб. Причем материалы дела не оставляют сомнений, что исчисленные в выписях суммы не отражают подлинного размаха его кредитных операций. Челобитчики подчеркивали, что Бешенцов «псковичем торговым человеком многие свои деньги из росту давал, и те псковичи правды сказати не смели, а которые и сказали, и он тем грозил продажею и государевыми зазывными грамоты». В сравнении с суммой ежегодного импорта богатейших торговцев железом конца XVII в. Кошкиных (4000–5000 руб.) [1, с. 197] операции Бешенцова в не оправившейся от разорения Смуты стране кажутся фантастическими.

Финал инициированного псковским дьяком Истоминым дела не известен; Бешенцов пытался приуменьшить масштабы своего богатства и в сказке объяснял извет дьяка «недружбой», обвиняя его в государственной измене (ездил к шведскому губернатору Ливонии Я. Делагарди «с вестями») и сокрытии доходов. По словам Бешенцова, дьяк Истомин, давший в запрос всего 15 руб., обладает «голыми деньгами» за исключением двора, платья и пожитков на 15000. Видимо, Бешенцову пришлось заплатить государству «в запрос» изрядную сумму, и кроме того, вернуть родственникам Лихаревых заложенную вотчину. В переписной книге 1646 г. никаких следов владения Бешенцевым сельцом Оршо нет: оно принадлежит как вотчина Семену Алексееву сыну Лихарева, видимо, племяннику Бориса и Федора⁷.

Изложенные факты обнаруживают острейший парадокс социальной и экономической жизни России первой половины XVII в. Среди сотен беспоместных и мелкопоместных дворян выделяется предприимчивый делец, который во время Смоленской войны ссужает купцов и даже гостя крупными суммами денег, в 1633/34 г. оказывается в Москве, где кредитует городских челобитчиков, берет в заклад вотчину и даже поместье служилых людей. Челобитчики отмечали его особое положение в составе городской корпорации: «на твоих государь на дальних службах под Смоленском и в иных ни в которых городех он Григорей не бывал – все был во Пскове». Возможно, он был к этому времени отставлен от службы по возрасту, но все же очевидна и избирательность воевод и дьяков, которые явно не

⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8561. Л. 69.

без корыстного умысла закрывали глаза на масштабы промыслов этого дельца.

Не менее важным является тот факт, что деятельность Бешенцова тесно связана с зарубежной торговлей. Имея в виду размах ростовщических операций новгородских бояр республиканской эпохи, логично предположить, что, невзирая на полную смену землевладельцев на новгородско-псковских землях после их инкорпорации в состав единого государства, экономические обстоятельства подталкивали потомков помещиков, осевших на бывших боярских землях к аналогичному роду деятельности.

Концептуально изложенные факты подтверждают результаты исследований Л.В. Милова, вскрывшего противоречия экономической жизни в допетровский период. Используя метафору Ф. Броделя, можно заключить, что «спящий капитал», исчислявшийся значительными суммами, порождал торговую активность, но препятствовал индустриальному развитию России.

1. *Бахрушин С.В.* Торги новгородцев Кошкиных // *Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1954. Т. II.
2. *Бродель Ф.* Что такое Франция? М., 1997. Кн. 2.
3. *Введенский А.А.* Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М., 1962.
4. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в. Тексты. Л., 1986.
5. *Каменцева Е.И., Устюгов Н.Е.* Русская метрология. М., 1975.
6. *Козляков В.Н.* Служилый «город» Московского государства XVII века. М., 2000.
7. *Лантева Т.А.* Провинциальное дворянство России в XVII в. М., 2010.
8. *Миров Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российской исторического процесса. М., 1998.
9. Соборное уложение 1649 г. Текст. Комментарии. Л., 1987.